

Елена Стриж

Игрушка

18+

Елена Стриж
Игрушка
Серия «Секс. Любовь
в процентах», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45038539

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93082-7

Аннотация

Удивительная книга, в которой герои, с детства познавая свое тело, начинают думать, что такое любовь и поцелуй. С периодом взросления появляются новые мысли, что такое эротика и что такое секс. Герои открывают для себя новый мир, в котором они могут творить свои чудеса. Книга для гурманов эротики.

Содержание

Внимание!	4
Ветряная мельница	5
Фотосессия	14
Начало	33
Поле	47
Поезд	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Стриж

Игрушка

Внимание!

В книге присутствуют описания эротического и сексуального характера.

Ветряная мельница

«Вот дурак», – всегда думала Жанна, смотря, как ее одноклассник Игорь, соединив указательный палец с большим в виде колечка, просовывал в него ручку и начинал дергать. Она прекрасно знала этот пошлый жест, но парни почему-то ржали. Вот дебилы, хотя не все такими были. Тогда она мечтала о другом, о своей любви к Ромке. Поэтому просто вздыхала, изредка ходила с ним до дома, пару раз делали уроки. Но он какой-то толстокожий, не видел, как она на него смотрела. А после все изменилось. Жгучая любовь, что так долго изнывала в душе, вдруг куда-то испарилась, и на ее место пришел Руслан. Вот с ним-то она и научилась целоваться.

Да, это уже было давно, Жанна повзрослела, закончила институт, окончательно влюбилась и вышла замуж. Как у всех была свадьба, как все ревновала, кидала тарелки, а после плакала. И все же она любит его, тянется к своему Антону, а он... А что он? Трещина прошла по стеклу, и его уже не склеить, вот и рассыпалась ее любовь. А теперь она осталась одна. А может это и к лучшему, порой думала Жанна и смотрела на свою дочку, что так сладко спала в кроватке.

Говорят, дети – это цветы жизни, может и так, а может и нет. Но Жанна, как молодая мама, справилась с расставанием, если бы чуть позже, было бы трудней. А так ну и фиг с

этой любовью, влюбится еще раз и обязательно как в юности по самые уши. А пока она уложила дочку отдохнуть, та наигралась и стала уже капризничать. Жанна встала, а ведь так хотелось тоже прилечь и как в детстве, ни о чем не думая, поваляться.

– Игрушки, ну почему бы вам самим не забраться обратно в коробку?

Всего пару часов, а в доме настоящий бедлам. Она не стала причитать, а просто взяла первый кубик и положила на место. Через десять минут комната уже блестела новизной, словно никогда и не было погрома.

– Ну, вот теперь и чайку, – сказала она и пошла на кухню.

На столике лежала ветряная мельница. Обычно такие продают в парке, палочка с пропеллером. Они бывают разные, простые, с одним большим пропеллером или сразу восемь, а то и больше. Ветер дул, и лопасти, шурша и быстро вращаясь, отбрасывали во все стороны маленькие солнечные зайчики.

– А ведь у меня был такой же, только деревянный, – сказала она. Жанна встала и помахала палочкой из стороны в сторону.

Ей папа сам выстругал из черенка лопаты пропеллер. Он в детстве занимался в авиамоделировании, поэтому знал поворот лопастей. Она еще была маленькой, и пока он делал ей вертушку (раньше так называли их), Жанна не отходила от него, вдруг не так сделает. А можно было сделать и флюгер,

тогда он поворачивался в ту сторону, куда дул ветер и пропеллер все время гудел. Но это было уже давно, она повзрослела, и теперь ее дочка, так же как и она, с любопытством спрашивает, почему они возвращаются.

Жанна разжала ладонь и посмотрела на толстую резиновую рукоятку, в которой была трубка, именно в нее и втыкалась сама ветряная мельница.

– Хм, – хмыкнула она, сравнив ее с одним органом.

Соединила два пальца, указательный и большой, и, взяв рукоятку от мельницы, просунула в образовавшееся кольцо.

– Бр... – передернула она плечами от пошлой мысли и сразу положила детскую игрушку на стол. – Что только в голову не взбредет от одиночества.

Почему-то стало стыдно, ее лицо покраснело, и молодая мама покосилась в сторону коридора, будто ее кто-то мог увидеть.

– Отвратительно, – прошептала она, стараясь прогнать пошлые мысли.

Уже к вечеру они вышли погулять, так почти каждый день. Она встречается в парке с Аллой, ей примерно столько же лет, как и Жанне, и у нее сын – ровесник ее дочери. Две мамы устраивают час откровений. Так получилось, что первый шаг к этому сделала Алла, а Жанна не стала отворачиваться и продолжила. И вот пока дети играли, они рассказывали друг другу свои институтские истории.

– Привет, девчонки, – перелезая через кусты, направился

к ним муж Аллы.

– Ты почему так рано? – спросила его жена.

– Сказали, чтобы я валил домой, а то еще что-нибудь натворю.

– А что натворил? – спросила Жанна.

– Ксерокс сдох, но я тут не при чём, просто копии делал, а он возьми и задымись. А когда вечером пошел в бухгалтерию, – у них еще один есть, – они меня вытолкали, запретив переступать порог. Ну, в общем, я тут. Вот вам.

И он достал кулек винограда.

– Мыл?

– Мыл, – утвердительно сказал он и присел рядом с де-вушками.

Жанне нравилась эта пара, они какие-то странные, все еще жались друг к другу, словно недавно начали встречаться. Да и Алексей приятный парень, помог ей холодильник переставить и просверлил дырки для зеркала.

– Давайте в кино сходим в субботу, говорят, «Смешарики» новый выпуск.

– Давайте.

– Согласна.

Они несколько раз ходили вместе в парк, даже в цирк, только Алиса не выдержала и начала капризничать, скучно стало. Вот и сейчас, наигравшись, она просто сидела и ковырялась в песке.

– Мы пойдем. Пока, красавчик, – это она сказала Алексею

и поманила дочь к себе.

Как только за спиной закрылась дверь, на душе стало грустно, словно ты на всем белом свете одна. Алиса побежала мыть руки, а оттуда напрямиком на кухню. Опять мелкие заботы, помазать царапины на коленках. Вот почему так, когда прижигашь себе и дуешь, не так помогает, а если кто-то, то обычно боль проходит. Но это было в детстве, сейчас боль стала иной, как бы открытой, обнаженной. Через пару часов дочка уже легла спать. Мысли не отпускали, они тянулись. Жанна подошла к холодильнику, тут висела их фотография втроем: она, Алиса и Антон. Хотела ее убрать, но подумала, что от прошлого все равно не уйти, вот и оставила как напоминание.

Ветряная мельница все так же лежала на столе, и снова ее посетили глупые мысли, от чего Жанне стало неприятно, будто она и правда такая ненасытная, что даже сейчас думает о сексе.

– А почему бы и не думать, – сказала она вслух и, взяв ветряную мельницу, пошла в зал.

Любовь, каково это? Ведь любила и сильно, мама говорила, что она сохла по Антону. Жанна вспомнила, как они ходили по набережной, а после ехали в поезде и под стук колес украдкой целовались. А после ходили в поход, где она надорвала спину и почти неделю не поднималась с постели. А после они ходили в лес по грибы, правда, она их вечно пропускала, а Антон шел за ней и собирал целый кулек. А

еще они ездили на озеро, а после ходили в баню, а еще... Она вспоминала все те моменты, от которых ей было приятно. Обиду она отбросила в сторону, какой от нее прок. Хотя... Одиноко, Жанна сжала пальцы, подняла голову и посмотрела на детскую игрушку.

– Опять ты? – удивилась она и отложила в сторону ветряную мельницу.

Через день мама Жанны забрала внучку к себе на выходные, она так поступала всегда, чтобы её уже повзрослевшая дочь немного отдохнула.

– Ну что, пойдем, – зайдя к обеду, сказала Алла.

Они еще в четверг договорились, что оставят детей и, как в юности, свободные птички полетят по городу. Кино с душераздирающим сюжетом, Алла аж всплакнула. А после кафешки – длинный ряд магазинов. Они просто так ходили, шептались, пили кофе с пирожным, а после опять шли гулять.

– Пока-пока, – и чмокнув в щечку, Алла убежала к своему мужу.

Подниматься по ступеням стало тяжело, ты знаешь, что там никого, там пусто, даже кошки нет. Открыла дверь и, не раздеваясь, шлепнулась на тахту. Тоска завывала в груди, так одиноко, что губы сжались и захотелось поплакать. Она не стала этого делать, ни к чему, встала и ушла на кухню, чтобы заварить себе чаю.

– Опять ты?

Жанна случайно наступила на ветряную мельницу, подняла и, проверив, не сломала ли, положила на столик.

– Вот дурак, – сказала она вслух, вспомнив Игоря с его неприличным жестом с ручкой.

Жанна села, взяла мельницу и, соединив два пальца и сделав кружочек, ткнула в его центр ручку.

– Бр...

Дернула она плечами. Но почему-то на этот раз в груди ничто не сжалось, а наоборот, как бы потеплело. Она удивилась себе, не было пошлых мыслей и этого состояния брезгливости. Жанна опять воткнула резиновую ручку в колечко, сделанное из пальцев и...

– Ух ты... – она словно приподнялась на месте, в животе что-то заурчало и стало жарко.

Она еще несколько раз повторила это движение. В паху загудело, словно он вошел в нее. Жанна заморгала от удивления глазами и осторожно, будто испугалась игрушки, положила ее на стол.

Стемнело быстро, устала, хотелось отдохнуть. Приняв душ, она дошла до пустой кровати, откинула одеяло и, присев, открыла тумбочку. Она хотела взять крем, но удивленно посмотрела на темно-голубую коробочку.

– Привет. Вы еще тут?

Она хотела их выбросить, зачем они ей, если нет мужчины, но женское чутье остановило от необдуманного поступка. А вдруг пригодятся эти резинки, а вдруг он придет, если

не Антон, то может...

Жанна достала пачку, открыла и, взяв в руки одну из упаковок, надорвала ее. Нежная, чуть влажная резинка. Она понюхала ее, улыбнулась, промелькнули воспоминания. Жанна соскочила и побежала на кухню. Через несколько секунд она вернулась, держа в руке ветряную мельницу. Покрутила ее в руках, и ручка тут же отсоединилась.

Гладкая, словно... Она давно уже думала, на что ручка похожа, даже сжимая ее в руках, сравнивала с его...

– Вот ты какой, – мурлыкающим голосом сказала она и, взяв презерватив, уже отточенными движениями быстро натянула его.

Сладковатый запах, зачем они его сделали таким, чтобы целовать или забыть, где ты?

– Дура, я, – чуть ли не смеясь, сказала она и посмотрела на этот странный предмет в своей руке.

Фаллос, ему преклонялись, ему молились, ему устраивали праздники и пиршества. Из него делали амулеты как символ жизни и плодородия, а после заменили на крест, символ смерти.

Жанна чуть сильнее сжала пальцы, ощутила его упругость, силу. Прикрыла глаза и, улыбнувшись, упала на спину.

Бывают ночи, когда сны не снятся, только ощущаешь их настроение и не более того. Жанна проснулась утром, не хотела вставать, да и куда спешить. Лишь только ближе к шести раздался звонок, ее мама привезла Алису, и та, визжа от

восторга, бросилась на шею к ней.

– Мама, а мельница сломалась? – расстроенным голосом спросила дочка маму.

– Нет, малышка, сейчасотремонтируем.

Она вернулась в спальню, открыла тумбочку и достала заветную ручку. Жанна быстро воткнула в нее ветряную мельницу и, покрутив ею, убедилась, что та крепко держится.

– На, – гордо сказала она и протянула ее дочери.

Девочка тут же схватила и радостно побежала по коридору.

– Тебе пора найти мужчину, – как всегда в лоб сказала мама Жанны.

– Найдется, куда же он денется, – она обняла свою мать, чмокнула в щечку. – Пойдем чайку попьем, и расскажите, как выходные провели.

Почем-то она уже не боялась возвращаться домой, не было той тоски, что преследовала ее последнее время. Она забыла про грусть расставания с Антоном, и одинокая постель уже не казалась такой одинокой.

– Тебе нужен мужчина, – перед уходом еще раз сказала ее мама, но она-то уже знала, что он у нее есть.

Фотосессия

Рассказ из книги «Непристойное предложение» глава 3

– Чем будешь заниматься?

– Не знаю, – я и вправду еще не знала. Эти дни были так похожи друг на друга, что если их смешать как карты в колоде, то не отличишь, который из них был вчера, а который и неделю назад. В общем, каникулы. – А что ты предлагаешь?

– Хотел с Юркой на моторке сгонять до острова, но его отец не разрешал. В прошлый раз мы почти весь бак бензина сожгли, вот ему и досталось.

Мы начали перебирать, что можно сделать, а что не стоит. Наш пустой треп продолжался еще какое-то время, а после мы встали и пошли по дороге, просто пошли и все.

Валерка – парень смешной, до сих пор боится, что его мать увидит, как он курит. Хотя, похоже, все знали об этом, даже его бабушка, но как раз-таки от нее и меньше было бы проблем. Она как-то призналась, что курит с самого детства, как себя помнит. Бабуле уже за восемьдесят, а бегает не хуже нас.

Валерка огляделся по сторонам, достал свои сигареты и смачно прикурил. Знала, что он не очень любит это делать, но выпендривается, мол, взрослый. Сама я не любила сигаретный дым, он мне казался горьким. Может это воспоминание от того, что отец курит на кухне, и поэтому как бы ни проветривали дом, в комнатах всегда присутствовал кисло-горьковатый запах. Вот и сейчас, стоило ему прикурить, мои ноги сами повернули от него в сторону. Валерка хихикнул, мол, мелочь пузатая, в куклы тебе еще играть, но с пониманием отошел на шаг в сторону, чтобы дым уходил в по-

ле.

– Ты знаешь, я тут на днях прочитал очень интересную книгу, про цифры, – и замолчал.

Выждав момент, я посмотрела на него как ослик Иа на Винни-Пуха, когда тот сказал: «Ну все же не могут...», и погрузился в свои мысли.

– Что цифры? – не дождавшись продолжения начатой фразы, спросила. – Что они?

Похоже, он этого и ждал. Подняв подбородок чуть выше и выпустив струю дыма, соизволил ответить.

– А ты знаешь, что аборигены до сих пор знают только цифру один и все.

– Как это, один?

– Просто у них нет других цифр. Они все считают: один и еще один, а если надо, то еще один. То есть похоже на палочки, а когда палочек уже много, то просто много и все.

Я задумалась.

– А разве так возможно, вот просто один и все?

– Я тоже так думал, но посмотри на детей, что они делают, когда надо считать?

– Что?

– Загибают пальчики, но все же продолжают считать: один, один, один и загибают пальчик за пальчиком. Так вот и считают аборигены.

Я посмотрела на Валерку как на ученого. А ведь и вправду, как все просто, один и один.

– И самое интересное, что египтяне тоже знали только цифру один.

– Что? Не может быть? – моему удивлению не было предела.

Тут он начал объяснять, как можно прекрасно обходиться и с одной цифрой, если знать, что и как делать. И это для меня оказалось открытием.

– Но это еще не все. Вот скажи, какие цифры были у римлян, то есть вспомни про римские цифры.

– А, это те, что палочками пишутся?

– Да, именно, палочками.

– Итак, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Мне что, все перечислять?

– Ты убежала уже далековато, а назвала всего-то три цифры.

– Не поняла, что значит три? – и, помолчав, осторожно и уже неуверенно сказала. – Десять.

– Нет, не десять, а только три, а именно: один, пять и десять.

Я задумалась, стараясь разложить в уме их по порядку, и тут я осознала простоту цифр. Наверное, он увидел на моем лице улыбку и тоже засмеялся.

– Я тоже так думал, как и ты. У римлян мало цифр, вот к примеру: 1 (I), 5 (V), 10 (X), 50 (L), 100 (C), 500 (D), 1000 (M). И чтобы набрать 1995 год, они делали следующее. – Валерка присел и стал пальцем выводить символы в пыли. –

Вот что получается: MDCCCCLXXXV.

– Что? – я была поражена тому, что такая простая цифра, а получилось ужасно непонятно.

Стояла с открытым ртом. Вот это да, а я всегда думала, что это не так. Мы шли и смеялись над собой, над тем, что никогда не думали о таких простых вещах.

– А теперь вспомни про арабские цифры.

– Ну нет уж, я опять все напутаю, я не знаю...

– Знаешь-знаешь, просто сомневаешься, так?

– Да!

– И все же попробуй.

– Отстань, не буду, – я не хотела выглядеть неучем, хотя знала, что сейчас весь мир пользуется арабскими цифрами, но вдруг и здесь зарыта какая-то подковырка.

– Ладно-ладно, но самое странное, что у арабов не было цифры ноль.

– Не поняла? – захлопала я глазами. – Что значит, не было?

– Просто не было и все. Все было от единицы до девяти, а вот нуля нет, это арабы ее позаимствовали у индусов. То есть, она пришла из Индии, а нам говорят, что это арабские.

– Ничего себе.

– Это, кстати, не так давно выяснилось. Ученые смогли прочитать финансовый отчет, в котором было сказано, что на определенном поле нельзя вырастить ни одной розы, то есть ноль роз.

Потом он начал рассказывать про другие страны и народы, как они обходились без цифр вообще. Что у них не было письменности, но зато они смогли рассчитать продолжительность дня до сотых секунд. И одни из самых первых в мире поняли, что день – это не двадцать четыре часа, а намного меньше. И что есть лишние дни в году, и еще много чего такого, над чем я сама не задумывалась, потому что считала, что это само собой разумеющееся.

Мне было интересно его слушать, наверное, потому, что он говорил о том, чего я не знала. Про то, как вычислялся горизонт, как делался цемент, как римляне с помощью акведуков поднимали воду вверх без всяких мельниц, а только давлением. Он много чего еще мне говорил.

– А зачем ты с собой носишь все время фотоаппарат? – неожиданно для себя спросила я.

– Ну... Даже не знаю, просто фотографирую.

– И что тут фотографировать, коров да баранов.

– Ну почему же. Вот утром бывают сильные туманы.

Я передернулась от возможного холодного утра.

– И ты в такую рань встаешь?

– Ну не каждый день, а только когда хочется, а так...

Я перебила его.

– Зачем тебе это надо?

– А ты знаешь, кто-то и когда-то сказал, что фотограф – это историк. Нажал на спусковую кнопку, и история мгновенно остановилась. Все, ее уже нельзя повторить, она оста-

лось только в том образе, что снял фотограф. Через десять минут этого уже не будет. Фотограф останавливает время. — Валерка показал рукой в сторону домов. — Будет все другое. Но если я сейчас сниму это, то выхвачу тысячную долю секунды из того, что безвозвратно пропадает.

— Жаль.

— Что жаль?

— Что вот так пропадает.

— Нет, в этом есть своя прелесть, — и добавил. — Иначе все жили бы прошлым.

— И все же, порой жаль некоторые моменты.

— Чувства, конечно же, не передашь фотографией, ни запаха, ни тепла. Но у зрителей есть свое воображение и, смотря на фотоснимок, они начинают чувствовать, что плоский огонь горячий, а надкусанное яблоко сладкое. В общем, это фотография.

Я посмотрела в сторону домов, на которые он только что показывал рукой, вздохнула и спросила:

— А что ты еще снимаешь?

— Не знаю, наверное, все.

— А портреты?

— Да.

— И репортажи?

— Иногда, если интересный сюжет.

— А людей?

— Что значит людей, они повсюду, как насекомые.

Он еще какое-то время философствовал на тему фотографии, а потом взял и спросил меня:

– Давай я тебя пощелкаю?

Я уже сама хотела ему предложить, поэтому тут же ответила:

– Давай.

Как будто Валерка знал, что я соглашусь.

– Тогда пошли ко мне, дома до двух никого не будет, спокойно проведем, ну, фотосессию.

– Что проведем?

– Ну, то есть, поснимаю тебя.

– А...

Я кивнула в знак своего согласия, фотосессия, значит фотосессия и мы пошли.

Дом у Валерки большой, двухэтажный. В нашем поселке таких не много, все завидовали ему, поскольку он жил на втором этаже, и еще у него был свой, пусть маленький, но балкончик.

В доме действительно никого не оказалось. Он проводил меня к себе в комнату, а сам занялся приготовлением аппаратуры. Я прошлась по комнате, посмотрела картинки, что висят на стене. Потом взглянула на свое отражение в зеркале. Все нормально, провела рукой по волосам, непослушный локон все не хотел лежать вместе со всеми. «А я, впрочем, ничего», – подумала и состроила себе рожицу.

Остановить время, на которое можно смотреть. Эта мысль

крутилась у меня в голове. Ну просто машина времени, а не фотографии. Я взяла с полки книгу, открыла ее. В ней были фотографии, этого давно уже нет, и опять мысль о машине времени. Перелистывая страницы, начала их просматривать. Там были в основном репортажные снимки, но попадались и сюжетные зарисовки, одна мне понравилась, про балерину. Она танцевала на сцене, таких я видела, наверное, сотни, они мало чем отличались друг от друга. А на другой странице эта же балерина сидела на кресле, опустив руки, и улыбалась фотографу. Я перелистнула страницу. Следующая фотография была в другой тематике. Балерина стояла у зеркала, на ней была ее черная юбка. Она еще не успела ее снять, но выше пояса девушка была обнажена. Контраст черного и белого тела резал глаза, невольно заставляя смотреть на ее почти плоскую, девочкину грудь. Еще минуту назад она танцевала перед зрителями, и вот теперь. Это было как-то нереально, как из другого мира.

– Ну, я готов, – прервав мои размышления, сказал Валерка.

Я поставила книгу на полку.

– Что мне делать? Куда сесть?

– Это не важно, куда ты сядешь и что будешь делать. Просто ходи, смотри, лучше разговаривай, а я буду снимать. Договорились?

– Давай попробуем.

Я вспомнила, как маме захотелось сделать общий портрет.

Они пошли в студию, и фотограф долго пыхтел, передвигал стулья, разворачивал ее то влево, то вправо, а тут... Я пожала плечами. Просто ходила, читала, садилась и думала, потом болтала и снова молчала. Он принес чай, делала вид, что пью его, а он продолжал снимать. Валерка появлялся то справа, то залезал куда-то вверх, почти под самый потолок, то слева ложился на пол. На какое-то мгновение представила себя знаменитостью, которую одолевают фоторепортеры. Правда иногда он меня одергивал, заставлял повторить то или иное движение. Говорил, что я делаю это театрально, что не надо позировать, чтобы я вела себя так, как будто его здесь нет. Попробовал бы он сам себя вот так вести.

А потом я снова пила чай. Казалось, еще немного – и лопну, но ему нравился пар от кружки, а мне сам чай и его аромат, какой-то полевой травы. А потом я просто перестала обращать на Валерку внимание, смотрела ему в камеру, но видела не объектив, а его глаза. Он медленно порхал, как в замедленной съемке, ступал тихо и осторожно, боясь что-то задеть и издать лишний шорох.

Я снова увидела книгу с балериной, подошла к полке, взяла ее и начала листать страницы в поисках последнего снимка. Не сразу нашла его, и все же нашла. Она была красивой в этой странной позе. Вот только что она танцевала, улыбалась зрителям, и вот теперь в гримерной, стоит перед зеркалом и снимает с плеч платье. В комнате девушка одна, а фотограф, что ее снимал, лишь историк, который смог вырвать у вре-

мении эту секунду и сделать ее вечной. И теперь я сама стою здесь на втором этаже и смотрю на нее. На душе стало тепло. В этом снимке было что-то необычное, все просто, и в то же время так нагло голо.

– Хочешь, я сниму тебя также?

Тихий голос Валерки оторвал меня от снимка. Посмотрела в его глаза, затем закрыла книгу и поставила на полку.

– Заманчиво, но нет, – и повернулась к балкону.

– Да брось ты, это будут твои снимки.

– Нет, – опять ответила я.

– Не понравятся, выбросишь.

– Нет, – в очередной раз ответила.

– Я поставлю новую флэшку с памятью, и ты ее заберешь, а потом сама решишь, да или нет, все снимки только у тебя.

Я повернулась к нему, подошла и уставилась ему в глаза.

– Нет, и у тебя тоже, – и показала пальцем на его голову, давая понять, что человеческий мозг не хуже той самой компьютерной флэшки, а у этой памяти есть еще и эмоции.

– Я ведь только фотограф, иначе никак не получится.

Я подняла палец к его губам и прижала его.

– Молчи, не искушай.

Постояв какое-то время, я отступила к столу, взяла уже почти пустую чашку чая, осторожно отхлебнула, как будто он еще был горячим.

– Ага, – тихо произнес он, – есть сомнение.

Я опять посмотрела на него, он замолчал. Взяла в руки

фотоаппарат, что лежал на столе, он оказался тяжелым. Посмотрела на маленький экран, на котором можно было как на компьютере просматривать снятые кадры. Это не то, что старые аналоговые фотоаппараты с пленкой. Этот умный, сам рассчитывают выдержку, диафрагму и сам же наводит резкость, твоя задача только подобрать ракурс и нажать на кнопку.

– Принеси еще чаю, – попросила его.

Валерка взял чайник и пошел вниз. Я осталась одна. Слышала его шаги, как поскрипывают доски внизу. Я стояла одна посередине комнаты. Повернувшись, увидела себя в отражении зеркала, сделала шаг назад, теперь я почти вся входила в него. Как то зеркало в примерной, подумала я. Странно, но мне хотелось расстегнуть на себе пуговички, хотела, но боялась. Или, верней, не боялась, а сомневалась. А может просто горела от нетерпения это сделать, но не могла найти повода. Тогда я решительно расстегнула пуговицу на юбке и, как ни в чем не бывало, перешагнула через нее. Сняв ее с себя, я посмотрела. Она как-то нелепо смотрелась в моих руках, как будто была чужой, хотелось спрятать и как можно скорей. Подошла к двери, рядом стоял стул, а на нем лежали Валеркины вещи, я подняла их и засунула юбку под самый низ. Прислушалась, было тихо, стало легче.

На мне была белая блузка с множеством белых пуговичек, что застегивались спереди, но расстегивались только до пояса, а дальше шла мини-юбка из той же белой ткани. Пальчи-

ки скользнули под юбку и заученными до автоматизма движениями я стянула трусики. Их я спрятала туда же, куда и юбку. В тот момент даже не задумалась, что я в чужом доме и стою уже почти раздетая. Меня смущали пуговички. Теперь, подойдя ближе к зеркалу, начала их расстегивать. Это получалось легко, одна за другой они снимались с петель. Вот обнажилась грудь, на мгновение я замерла. Посмотрела на выпирающие вишенки, взяла лямку, слегка потянула ее вверх. Почувствовала, как улыбнулась, разжала пальцы и в следующее мгновение приподняла свою мини-юбку. Из-под белой ткани появился слегка взлохмаченный черный треугольник. Я повернулась перед зеркалом, прогнулась в талии и удовлетворенно улыбнулась себе, отпустив юбочку, выпрямилась.

Валерка подынимался по ступенькам. Я начала лихорадочно застегивать пуговички. Скрипнула дверь. Он остановился.

– Молчи! – приказала ему. – Бери свою флэшку и снимай, только ничего не говори. Ты понял?

– Да, – еле слышно ответил он.

Застегнув последнюю пуговичку, я повернулась к нему. Он рылся в своей аппаратуре, было видно, что волнуется. Чего это он? Это я должна переживать. Валерка посмотрел на меня, еле заметно улыбнулся и продолжил дальше копошиться в своем фотоаппарате. Наконец-то он выпрямился и гордо произнес:

– Я готов.

– Ну, тогда говори, что мне делать? – спросила я и застенчиво покрутила пуговичку.

– Не знаю.

– Что значит не знаешь? Кто из нас фотограф, ты или я?

– Ну, может, тогда ты присядешь, – и он указал взглядом на стул. – Или можешь стоять, или делай то, что ты хочешь сама, а я буду только снимать, – и, помолчав немного, добавил. – Так, наверное, будет лучше.

– Ну что же, постановщик из тебя никудышный, – я даже немного обиделась на него. – Сама так сама.

Я прошлась по комнате, как бы привыкая к своей роли. Немного было неловко. Не знала, куда деть руки, хотелось что-то взять, занять их, но стоило это сделать, как тут же хотелось избавиться от ненужной вещи. Перестала думать о руках, чувствовала, как горит лицо. Подошла к окну, но теплый воздух стал обжигать меня, и я почувствовала, как по спине стекла струйка пота. Как-то все нелепо получилось.

Повернулась к Валерке, он слился с фотоаппаратом. Его большой объектив заменял ему глаза, я посмотрела в него и увидела свое слегка искаженное отражение. В нем увидела испуганную девочку. Неужели это я, совсем не похожа. Я закрыла глаза и вздохнула. Вместе с выдохом ушло оцепенение. Ощутила свое тело, почувствовала руки, их мышцы, живот и лицо. То, как странно стою, развернув носки друг к другу. Я улыбнулась, открыла глаза, посмотрела в объектив

и, весело развернувшись, шлепнулась на диван.

От моего падения юбочка задралась, обнажив то, что все так старательно закрывают и считают самым запретным для постороннего глаза. Даже не поправив ее, я серьезно посмотрела в объектив. Сквозь толщу линз почувствовала его разрывающий взгляд. Ноги сами сомкнулись. Но зачем я это делаю? Ведь хочу другого. Хочется, чтобы Валерка наоборот смотрел на меня, чтобы его сердце билось не как всегда. Чтобы он перестал дышать и чтобы смог запечатлеть в своем мозгу каждую секунду, каждое мгновение.

Я выдохнула воздух, и с тела как волной скатились остатки напряжения. Руки стали тяжелыми, голова легла набок, а ноги в коленях сами чуть разошлись. Мои пальчики одну за другой начали расстегивать пуговички. Они выскальзывали из петелек, стукались друг о друга, как будто здоровались. Снова посмотрела в объектив. Валерка то приседал, то вставал на ноги, но не отрывался от фотоаппарата.

Расстегнув до конца все пуговицы, я рукой отодвинула часть блузки, тем самым демонстрируя ему свою грудь. Вишенка начала темнеть, но я не взглянула на нее, я продолжала смотреть в объектив. Он меня притягивал, наверное, не меньше чем я его. Пошевелилась, вместе с движением пришла уверенность, руки стали легкими. Я уже ощущала, как мои губы чуть улыбались, а глаза прищурились, как волосы ложатся на плечи.

Двигалась плавно, чтобы он успевал все снимать. А впро-

чем, я и не знала, как двигаться, наверное, поэтому мои движения и были столь медленными. Руки приподняли юбочку. Специально сделала, чтобы он посмотрел на мои ложбинки. В животе что-то заурчало и стало горячо. Я встала, прошлась по комнате, посмотрела в окно и сняла с себя остатки одежды.

Чистота. Да, чистота тела, вот что я ощутила. Чистота мыслей и легкость во всем, никаких сомнений или угрызений. Я была моделью и платила ему за съемки своим телом. Он пожирал меня своим взглядом. Я чувствовала его пульс, то, как он вспотел и как дышит. Сейчас он ничего не думал. Валерка был даже не в состоянии этого делать. Его взгляд гладил меня, и, поворачиваясь к нему то одним боком, то другим, я подставляла себя под объектив.

Нет, я не была бесчувственной в этот момент. Очень хорошо помню, как покалывало в груди, как комок в горле с трудом давал мне дышать. Очень хорошо знала это состояние, за ним шел холод, который можно было спутать с жарой, но это был холод. Хотелось сжаться, обнять себя. А потом внутри все начинало накаляться, гореть. Я знала это состояние блаженства, и оно было где-то совсем рядом. Это ощущение давало мне неопишуемый восторг.

Я легла на пол. Валера завис надо мной, будто повис в воздухе. Еще раз посмотрела в объектив, а затем закрыла глаза, давая возможность смотреть на меня бесконтрольно. Хотелось потянуться, будто долго спала. Тело слегка ныло от на-

пряжения, расслабилась, а после дала волю своим мышцам. Я потягивалась как в детстве, до боли в суставах, до легкой судороги. До момента, когда наступало состояние невесомости, когда тело уже не слушается тебя.

Я согнула ноги в коленях, теперь ко мне вернулась реальность. Чувствовала, как объектив смотрит на меня, как он шарит по моему телу в поисках самого запретного. Поднесла коленки к подбородку, раскинула руки в стороны, повернула голову вбок, чтобы не было соблазна открыть глаза. Осторожно, как тогда в душевой, развела в стороны ноги. Я чувствовала свой стыд. То, как его взор был невольно прикован к раздвоенному холмику. Отчего-то мне было стыдно, но мне хотелось насладиться этим состоянием.

Лежала на полу, широко раздвинув ноги. Время летело. Обхватив руками коленки, я медленно повернулась и легла на бок. Открыв глаза, увидела, что Валерка сидит напротив меня, фотоаппарат на коленях, глаза молчаливые. Подождав немного, спросила его:

– Ну как?

Он не сразу нашел, что сказать.

– Это здорово, – а потом добавил. – Снимки будут потрясающими.

«Какие еще снимки, глупый», – подумала я. Почему-то мне хотелось большего, но есть грань дозволенного. Съешь конфетку и вкус будешь помнить еще долго, но если ты съешь сразу с десятков, то сладость сменится горечью. Мне

не хотелось испытывать этого второго чувства.

Он ушел вниз заваривать чай. Я подошла к фотоаппарату, открыла ячейку памяти, достала флэшку. Время, вот оно, тут, у меня в кулаке зажато. Подошла к столу, открыла шкафчик и взяла оттуда еще теплую вторую флэшку. Потом села на пол, сжимая в руке эти два кусочка пластика, в которых спрятано мое прошлое.

Я никогда не задумывалась над временем. Мне казалось, время – это морщины, это прошлое, это история. Но я никогда не видела себя в нем. Сейчас же я была вне его досягаемости. Оно осталось у меня в руках, в этой маленькой тюрьме под названием флэшка. А может быть, мы сами в тюрьме времени и относимся к нему как к чему-то неизбежному. Которое нельзя изменить. И поэтому мы считаем, что ему надо подчиняться. Но правильно ли мы думаем?

Я разжала ладони и посмотрела на пластинки в руках. Время. Теперь его не вернуть, а я там осталась такой, какой была. И даже если захочу повторить, то все равно не смогу. Интересно, а есть ли все же машина времени, или это вымысел наших фантастов для утешения будущих поколений?

На улице хлопнула входная калитка, кто-то пришел. Я соскочила на ноги, в голове загудело и в глазах потемнело. Не дожидаясь, пока снова смогу нормально видеть, начала быстро шарить рукой в поисках одежды. Да, одеваться, это не то, что раздеваться. Пальцы цеплялись за все подряд, иногда я теряла равновесие, и казалось, что вот-вот грохнусь на пол.

В дверь постучались. Я поправила волосы и, повернувшись, открыла ее. Валерка стоял с подносом, а на нем стояли две кружки с чаем, над которыми поднимался пар, и еще мед и батон.

Мы пили чай и смеялись.

Начало

Рассказ из книги «Щекотка» глава 1

– Если узнаю, что опять ходила на речку, выпорю! – так мама каждое утро говорила Вере. – Тебя это тоже касается, – обращалась она к ее брату.

А что делать летом в деревне, если не ходить в лес, не играть и не купаться. Ну вот что? Маринка на пару дней уехала в город, Светку бабушка наказала и теперь та окучивает огород. Вера, оттолкнув младшего брата, села у окна и стала строить свои коварные планы на день. Лешка, ее брат, сейчас убежит к Витьке, что живет через дом. Они уже третий день строят за сараем свою крепость. Но ей с ними неинтересно.

Вера покрутилась и, дав подзатыльник Лешке, пошла в огород.

– Мамка говорила не купаться! – крикнул он ей в след.

– Отстань.

– Расскажу.

– Получишь у меня. Понял! – и даже не взглянув на брата, открыла калитку и перешагнула запретную черту.

– Все равно расскажу, – донесся его голос, но Вера уже не слышала его.

Она перемахнула через картофельные ряды и быстрым шагом скрылась в кустах. До речки идти не так уж и далеко, надо свернуть налево, через огороды баб Клавы. Можно и тут пройти, но здесь вдоль берега рос непроходимый камыш, а ей нужно добраться до поворота, а после под мост. Он вообще выглядел странно: кругом поля и лес. Куда дорога ве-

ла, а кто его знает, кажется, по нему никто и не ездил, разве что раньше, когда был колхоз.

Вера прислушалась. Тишина, только стрекот кузнечиков и смешные стрекозы, словно маленькие вертолеты, зависали над водой, кружились и резко улетали обратно в лес. Она уже много раз приходила сюда. Ее никто не застывает, да и некому. Присела на бревно, опустила ноги в воду и стала слушать, как вода журчит. На душе что-то щекотало, она передернула плечами, покрутила головой из стороны в сторону и, быстро поднявшись, стала раздеваться.

Чтобы мама не узнала, Вера снимала все, что на ней было и, осторожно ступая, погружалась в воду. Так тихо. Она закрывала глаза и, раскинув руки в стороны и стараясь держаться на воде, спокойно плыла по течению. «О чем там Маринка говорила? – думала девочка, щурясь от яркого солнца. – Вроде ей книжки привезли, надо взглянуть». В прошлый раз они вместе читали про Людовика, несколько глав не было, кто-то умудрился их вырвать. Но это не помешало девочкам повздыхать и представить, каково это – жить в замке.

Вера несколько раз нырнула, заплыла под ивы. Но там, как и в прошлый раз, ничего не было. Одной купаться скучно, она еще немного поплавала и решила вернуться домой. Но как только вышла на берег, тут же замерла от ужаса. Ее одежды не было.

– Козел, – первое, что успела сказать она. – Поймаю, от-

луплю.

Вера завертела головой в поисках платья, но его не было, так же как трусиков и даже сандалий. Она взвыла от гнева на своего брата. Он давно обещал, что если она будет купаться, то стащит ее одежду. Ну кто еще мог на такое решиться, только Лешка.

– Отлуплю! – крикнула она. – Верни обратно!

Но ответа не последовало, будто вещи просто испарились. Она не боялась купаться голышом, но остаться без одежды – это уже другое дело. Не то страх, не то гнев, не то ужас овладел ею. Она быстро вернулась в речку и, продолжая вертеть головой по сторонам, старалась найти выход из положения.

Может Лешка забросил вещи в кусты. Пришлось снова выйти из воды. Она озиралась по сторонам, будто ее могли тут увидеть. А кто тут вообще ходит? Так, старики на покос, да иногда горожане, что ходят в лес по грибы. И все же Вера боялась, что ее засекут, а еще осмеют мальчишки. В животе все сжалось, ноги с трудом слушались, а сердце так и тарахтело, как у дядь Паши его мотоцикл.

Вера под самым мостом вышла на берег, прижимаясь как можно ниже к земле, словно кошка на охоте. Уши улавливали любой шум, треск сучьев. Она замирала, медленно поворачивала голову на шум и, убедившись, что ей ничего не угрожает, двигалась дальше.

Сколько раз она тут бегала, но сейчас на ней ничего нет. Ужасное состояние быть голой. Ее глаза пристально всмат-

ривались в кусты, выискивая розовое пятно платья, но его не было.

– Поймаю, отлуплю, – шептала она и продолжала двигаться дальше.

Так Вера шаг за шагом обследовала берег, все пространство под мостом, даже высунула голову из-за моста, но ее одежды нигде не было.

– Дурак, козел противный. Что мне теперь делать? – чуть ли не рыдая прошептала девочка и опять спустилась под тень моста. – Лешка, верни! – на всякий случай крикнула она, но ответа снова не последовало.

Мысли вернулись из прошлого, тихо пиликал стационарный телефон, лампочка, мигая красным цветом, сообщала, что вызов идет от секретаря.

– Да, – спокойно сказала молодая женщина.

– Вера Степановна, к вам на собеседование пришли.

– Хорошо, пусть проходят.

И тут же отключила громкую связь. Вот уже четвертый год она работает начальником отдела кадров на мебельной фабрике «Трия». Почти целый год потратила на то, чтобы хоть как-то навести порядок с тем бардаком, что творился с документами. А после поставила ультиматум: либо она уходит, либо ей расширяют полномочия в работе, включая самостоятельный прием, а также увольнение за нарушение трудовых контрактов. Руководство видело только часть произ-

водственного цикла: выставки, контракты, показатели оборотов. Но они не очень вникали в вопросы кадров. А тут как раз было на что смотреть.

– Можно? – постучав в дверь, заглянула уже в возрасте женщина.

– Да, проходите.

У нее на столе лежали заявки на подбор сотрудников: бухгалтер, крановщик, водитель электрокара, два разнорабочих и сотрудник в делопроизводство, старого она лично уволила за безграмотность.

– Вот, – женщина протянула стандартный бланк-анкету.

– Хорошо, давайте сразу перейдем к делу, – Вера не любила сюсюкаться, некогда, слова излишни. – Как у вас с русским языком?

– В школе была пятерка, но время...

– Понимаю, вот вам тест, в вашем распоряжении десять минут. Прошу, присаживайтесь и начнем.

Женщина присела и без лишних слов стала вносить в пробы буквы. Вторым тестом была скорость печати и знание программ, с которыми ей придется иметь дело. Вроде простая должность, но Вера Степановна устала отказывать. Двадцать пять претендентов и все пустышки. Только последняя оказалась той, которую она приняла на работу. Смешно сказать, но к ней приходили преподаватели русского языка, и безграмотность пестрила. А вот эта девушка по национальности татарка, просто умничка, ни одной ошибки. Вера даже

не поверила, когда просматривала ее тест.

Девочка злилась. Она вернулась к реке, озираясь по сторонам. Зашла в воду и уже нехотя поплыла. Деваться некуда, Лешка забрал ее вещи. Наверняка теперь, улюлюкая от радости, мчится по огородам домой. Но что ей делать? Она медленно плыла вдоль зарослей ивы. Еще немного, и пойдут камыши, а у них листья острые, могут и порезать.

Захотелось вернуться обратно под мост, может вещи там? Но Вера знала точно, что нет. Опять в душе промелькнул страх, и сразу стало холодно. Выйти, а что дальше? Вера не знала что делать. Осторожно подплыла к камышам и ступила на глинистое дно.

– Бе... – поморщилась девочка и, выпрямившись, покосилась на противоположный берег.

Стараясь не повредить ступни, она стала пробираться через камыши. В какой-то момент даже забыла, что голая. Жесткая трава кололась, откуда-то взялись слепни и как истребители стали кружить над ней.

– Пошли прочь, – отмахиваясь от них, прорычала Вера и продолжила свой опасный маневр среди высокой травы.

Минут через десять она миновала непроходимые, как ей раньше казалось, береговые заросли, а дальше начиналось самое опасное. Она опять съежилась. Чувство стыда, будто на тебя уже смотрят множество глаз и о чем-то там шушукуются. Ком в горле не дал ей заплакать, она как можно ни-

же присела и стала всматриваться в небольшую поляну, что разделяла камыши от огорода бабы Клавы.

– Вроде никого, – тихо, словно ее мог кто-то услышать, сказала Вера и, стараясь держаться как можно ниже, двинулась дальше.

Ее слух улавливал далекие голоса, лай собак, мычанье коров и рокот трактора. Ей надо было только добежать до картофельного поля, а там высокая ботва. Но эта поляна ее пугала. Вера встала на коленки и, быстро перебирая руками, тронулась дальше.

– Лишь бы никто не увидел, лишь бы не увидел, – постоянно твердила она, прижимая тело все ниже и ниже.

Еще немного, и она будет спасена. Двигалась словно по минному полю, страх, холод, ужас, но надо добраться до картофельного поля.

– Прибью, – вдруг вспомнила Вера, кто виноват в том, что она ползла на корячках.

Еще несколько метров. Она приподняла голову. Никого. Вера быстро юркнула между рядами и, растянувшись на теплой земле, замерла. Сердце трепыхалось как у загнанного собакой кролика.

Вера Степановна прочитала докладную на очередное горе-секретаршу. На эту должность ставили в основном по благу, знакомый знакомых или просто чьих-то дочек. Вот только они забыли, что это все же работа, которая изначально

подразумевает большой спектр знаний.

– Пригласите Светлану из отдела логистики, – сказала она по громкой связи.

Милая девочка. Она ее видела несколько раз, грамотная и знает программы и технику, но скорость работы ужасно медленная.

– Здравствуйте. Можно? – в дверях появилась девушка, ну прям с обложки.

– Проходи. У меня к тебе вопрос, что происходит?

– Не поняла.

– Хорошо, садись за стол, вон компьютер, зайди через уделенный стол на свой компьютер и покажи, как ведешь работу с почтой.

– Ага, – по-свойски сказала Светлана и, лихо сев в кресло, неестественно выгнула пальцы.

– Стоп! Это что у тебя такое? – Вера Степановна быстро подошла и посмотрела на ее ноги.

– Нельзя? – чуть стушевавшись, спросила девушка.

– Ладно, вот текст, – она тут же достала бланк, что применяла для сотрудников делопроизводства и сказала. – Время десять минут. Если успеешь все напечатать, оставляешь ноги, если нет, то два выхода: или приводишь в порядок или растянемся.

– А.. а.. мне разрешили.

– Я не разрешаю. Итак, печатаешь в два раза медленнее – и зарплата в два раза меньше. Согласна?

– Я постараюсь.

– Уж попробуй. Все, время пошло.

Вера ползла как партизан, старалась делать это как можно осторожней, чтобы даже ботва не шевелилась. Изредка поднимала голову, чтобы убедиться, что баб Клава все еще в палисаднике. Она хоть и туга на ухо, но глазастая, все увидит. Еще немного, и будет тропинка между картофельным полем, а если ей удастся незаметно подползти к забору, то еще чуток, и пойдут кусты малины. Вера не спешила, тут главное – выдержка. Она даже забыла, что злилась на брата и что ее голый зад изредка поднимался над ботвой.

Набравшись смелости, она быстро перебежала и сразу замерла. Никто не окрикнул, значит пронесло. Сердце так и стучало: тук-тук, тук-тук.

– Фух, – выдохнула Вера и, озираясь по сторонам, шмыгнула в кусты.

Осталось немного, но надо преодолеть еще одно опасное препятствие. Между домами был огород, который делил пространство надвое. Но вот со стороны улицы все было открыто, только редкий забор. Но он ее точно не прикроет.

– Блин, – тихо прошептала Вера и выглянула из-за кустов.

Какой-то мужик прошел мимо, сердце колотилось, а в животе все урчало. Вера набралась смелости, подождала, пока скроется очередной прохожий и быстро, словно наперегонки, метнулась к сараю. Тут же упала на землю и вся превра-

тилась в слух. Тишина, никто не крикнул, не возмутился.

– Круто, – уже радостно сказала она и шустро, словно ящерица, доползла до высоченного забора, за ним ее спасение.

Она сперва подумала остаток расстояния пройти через свой огород, но вспомнила про брата, что тот может притаиться где-то поблизости. Да и отец мог прийти на обед. Оставалось одно – перелезть через забор и в коровник. Легко сказать, но она никогда не лазила по такому высоченному забору, а сможет ли? Задрала голову вверх и с ужасом подумала, как будет карабкаться.

– А если Витька увидит, то все, пиши пропало, вся деревня будет знать.

Опять нахлынул страх и стыд за свое голое тело, она жалась как побитая собака и слабо прошипела:

– Прибыю, – она имела в виду Лешку, своего брата.

Минут пять Вера лежала, но чем дольше оттягивала время, тем тяжелее становилось. Она слышала, как проехала машина, как кто-то разговаривал на дороге. Все стихло.

– Пора, – сказала девочка и, подняв голову, покрутила ею по сторонам. – Никого, – подвела итог и тут же резко вскочила и с лёгкостью акробата через секунду очутилась по другую сторону.

Она шлепнулась на землю и, не веря тому, что сделала, быстро зашла в хлев.

– О! – радостно сказала она, увидев отцовскую рубашку. –

Что надо.

Быстро продев руки, застегнула еще уцелевшие пуговицы. Выглядела лучше чем пугало, что стояло в огороде. Хотя, сказать честно, то пугало никого не пугало, разве что малышню, ну уж точно не птиц.

– Фух... – Вера с облегчением выдохнула и уже спокойно вышла из засады. – Где этот паршивец?

Она взяла прут, что стоял около калитки, он предназначался для коровы Машки. Та изредка пыталась прорваться к грядкам, где росли лук и морковка. Вот тогда прут и шел в дело, но Вера думала о другом.

– Где он может быть?

Чтобы не спугнуть, она прошла по двору, заглянула в сарай, затем по лестнице поднялась на чердак, а оттуда через второе окно спустилась к бане.

Вера замерла. Лешка притаился в кустах и внимательно смотрел в сторону огорода, что уходил к реке. Он думал, что она вернется в дом именно этой короткой дорогой, но он ошибся.

Она стала медленно закипать от гнева. Ее брат как ни в чем не бывало сидел себе спокойно и ждал ее появления. Вера, набирая скорость, бросилась на своего обидчика.

– Козел! – крикнула она и со свистом опустила прут.

– А!!! – был вопль боли.

– Получи! Получи!

– А!!! – завопил Лешка и как ошпаренный забежал круга-

ми по огороду.

Вера не остановилась, она бросилась вдогонку и, перепрыгивая через грядки, старалась достать прутом брата. А тот, вопя, будто на него налетела стая ос, метался из стороны в сторону, не в состоянии найти калитку.

– Ты у меня еще получишь! Только попробуй кому-то рассказать. Где платье?

Но Лешка, найдя лазейку, словно пуля вылетел и скрылся в глубине огорода. Скомканное платье валялось там же, где он сидел в засаде.

– Вот паршивец.

Вера присела. На земле лежал старенький фотоаппарат Смена 8М, он хотел ее сфотографировать. Что-то внутри ее щелкнуло, сперва захотела засмеяться, но тут же вспомнила, что под рубашкой бегала без трусов. Что-то заныло в груди так протяжно, так тоскливо и нудно. Вера сжалась, обхватила колени и, забившись подальше в кусты, просто заплакала.

Она не в обиде на брата. Ну позлилась, бывает, свое он уже получил. Даже стало его жалко. Наверное, больно? Что-то зудило в груди. Она быстро расстегнула рубашку, схватила платье и стала натягивать его на себя.

И все же тогда что-то произошло. Что? Вера Степановна закрыла папку с новыми договорами, завтра разберется, устала, да и не до того.

Она долго вспоминала тот случай. Ее удивляло то состо-

яние в душе, стыд, страх и почему-то думала о фотоаппарате. «Странно все это, странно», – говорила она сама себе. И когда вечером все были в доме, Вера тайком вышла в коровник. Покрутив головой и прислушавшись к голосам, быстро сняла с себя одежду. И опять страх и стыд, опять это щеко-чающее в груди состояние, от которого дух захватывало.

– Ну все. На сегодня все.

Вера Степановна встала из-за стола, взяла сумочку и быстрой походкой покинула свой кабинет.

Поле

Рассказ из книги «Щекотка» глава 2

Если вы в лесу замечаете только комаров, то вы ничего не смыслите в духе леса. Вера с самого детства любила лес, старалась убежать как можно дальше, но за ней словно на поводке следовала мама.

– Мам, мам, смотри, – тыкала пальчиком девочка в большой гриб, что рос на старой березе. – А вон еще, а вон там. Смотри, смотри.

И мама старалась не просто поддакнуть, мол, вижу-вижу, а объяснить, почему грибы растут на дереве, и почему муравьи бегают не наперегонки, а занимаются серьезным делом. Вера в округе знала все овраги, где бобры строят свои плотины, и где ходят журавли. Она не любила горожан, те в лесу громко разговаривали, да еще употребляли глупые слова. Вера следила за ними и невидимо двигалась по их следам. Вот бумажка от конфеты, а вот пустая пачка из-под папирос. Она шла и собирала весь тот хлам, а потом тайком возвращалась к их машине и все запихивала в выхлопную трубу. Вот потеха, когда их машина чихала и глохла. Этому трюку ее научил Сережка из класса.

Сезон грибов, жара сменилась дождями, и опять стало парить. Она с утра вместе с мамой убежала в лес. Лешка ныл,

ему скучно, ягод нет, но и он умудрялся собрать целую корзинку сыроежек, они ему всех больше нравились. Вера искала лисичек, их можно есть прямо сырыми, но немного. Они потешные, ярко-желтые и все покосившиеся.

На следующий день мама занялась домашними делами, а Лешка убежал к Витьке достраивать крепость. Вера заскочила к Светке, но ее не оказалось дома, а Марина все еще не вернулась из города. Не спеша она шла по пыльной дороге, изредка из подворотни лаяли собаки, спрашивая, куда она намылилась. Но Вера держала путь к полю, что начиналось в конце деревни. Там уже третий год высаживали подсолнухи. Иногда они успевали вырасти такими огромными, что тебя и не видно в них. Тогда девочки убегали в поле и выискивали себе самые большие подсолнухи, срывали, садились и начинали лузгать еще молочные семечки.

Несмотря на то, что подсолнухи вымахали выше головы, семечки были еще мягкими. Вера не стала их рвать. Она приседала, если пролетали пчелы, и шла дальше. Сразу через дорогу поднимался холм, на котором росла пшеница. Она уже вымахала по пояс. Колосья еще не созрели, но уже тяжело качались из стороны в сторону. «И как это они не падают», — думала Вера, присматриваясь к тонкому стебельку.

Она поднялась на самую вершину холма. Отсюда даже чуточку деревня видна, правее лес, а там, внизу, протекает река. Вера села, достала из сумки пакет с вишней и стала жадно ее уплетать. «Интересно, а из косточек вырастет дерево? А

если да, вот удивятся, когда весной тут будет маленькая чаща». И Вера старалась как можно дальше бросить косточку.

Солнце медленно поднималось все выше и выше. Она поправила шляпку, что настояла надеть мама, но та больше мешалась. Вера вздохнула и улеглась на спину. «О чем думают облака? Наверное, о ветре или грозе. А им не холодно зимой? А там сейчас жарко?» Вера села, повертела головой из стороны в сторону. Никого, только кузнечики и какие-то птицы.

– Круто, – сказала сама себе и шустро развязала пояс на платье.

Легкими движениями она сняла его и, не задумываясь, стянула светло-голубые, как небо, трусики. Все аккуратно положила в сумку, боялась, что подует ветер, и они улетят, потом бегай по полю ищи их.

Так легко и свободно. «Почему люди не могут вот так открыто жить?» – думала Вера, поглаживая свой пупок и прислушиваясь к голосам поля. – Куда они все спешат? Работа, дом, опять работа». Девочка вспомнила отца, как тот уходит из дома, пока она еще спит и приходит, когда она уже ложится в постель. «Что там делать?» Она не знала, хотя много раз спрашивала папу, кем он работает, но слово «контролёр» ей ничего не говорило.

Вера Степановна поставила свою резолюцию и отложила в сторону очередной контракт. Вчера уволили шесть разно-

рабочих, в пятницу те решили расслабиться и прямо в цехе выпили бутылку. Геннадий Терехов – спокойный старичок, но в его обязанности входит следить за охраной труда. Он не стал ругаться, без лишних слов написал докладную с требованием уволить нарушителей, и Вера утвердила его требование. Узнав об этом, начальник цеха Савельев в гневе ворвался к ней в кабинет.

– У меня партия в восемьдесят диванов, кто теперь будет вместо них работать? Вы?

– Нет, вы! – спокойно ответила Вера Степановна и ткнула пальцем в контракт. – Вы не проследили за подчиненными, вы отвечаете.

Лицо Савельева покраснело от негодования, что его какая-то пигалица взяла и поставила на место.

– Если будет срыв в производстве, я сошлюсь на вас.

– Не стоит, я уже поставила в известность зама. В ближайшее время подберем вам сотрудников.

И что она тут делает? Устала от бумажной волокиты. Конечно же, кто-то должен контролировать кадры, вот только руководство порой этого не понимает. Они думают, что все само собой будет и дальше идти. Человек устает на одном и том же месте работать, приедается и уже через пару лет прекрасный начальник цеха превращается в тормоз. Ему и так все хорошо, зарплата, премиальные, куда ему рваться вперед. Со временем он дает слабину, а после и все начинают копировать начальство. И вот уже цех выдал первую

халтуру, брак и куча отговорок, что они в этом не виноваты. Вера Степановна придерживалась правила каждые четыре-пять лет переставлять сотрудников, а начальство вообще менять. Трудно конечно же, но зато всегда новые идеи. Вот и она уже сама планировала подать заявление на увольнение, но ее босс Артемьев и слушать ничего не хотел, даже оклад на всякий случай поднял.

– Вот бы сейчас в то поле, – тихо сказала Вера Степановна и, улыбнувшись, откинулась на спинку кресла.

Стрекот кузнечиков убаюкивал своей монотонностью. Вера не заметила, как задремала и провалилась в розовый туман своих сновидений. Что-то снилось, но чьи-то голоса вырвали ее из сказки. Она невольно открыла глаза, шляпка закрывала солнце. Вера потянулась и тут же замерла. Голоса доносились со стороны дороги, ветер нес их в ее сторону, и казалось, что люди совсем рядом. Вера осторожно убрала шляпку и, не поднимая головы, посмотрела по сторонам.

– Ни-ко-го, – произнесла она по слогам и прислушалась.

Говорили о колесах, о какой-то блесне на щуку, о спальнике, в котором, оказывается, есть дырка. «Что делать?» – подумала девочка и осторожно приподняла голову, чтобы посмотреть, как далеко они от нее. Но тут же Вера вспомнила, что она лежит голой и опять этот страх и холод. Как тогда в огороде у баб Клавы, кода Лешка утащил ее вещи, и ей пришлось голышом добираться до дома.

Появился стыд. А если ее увидят? Вдруг кто-то вздумает пойти в поле и наткнется на нее. Вера от страха окаменела, только глаза хлопали от яркого солнца.

Голоса были совсем рядом, казалось, протяни руку и коснётся того, кто так яро убеждал, что лучше использовать леску темную чем светлую. Вера похолодела, даже солнце не могло согреть ее тело. Ей захотелось перевернуться на живот и быстро уползти. Но она не могла этого сделать, просто боялась даже подумать о том, чтобы пошевелиться.

Голоса то удалялись, то опять приближались. Тут Вера услышала детские голоса. Они звонко звенели, как птичий щебет.

– Пора, – наконец решилась Вера и потянулась за сумкой, в которой лежали ее вещи.

Детские голоса приближались, они точно шли к ней. «Может, заметили?» – в панике подумала Вера и, быстро высунав голову над колосьями, посмотрела в направлении дороги. Мальчик тут же ее увидел и резко остановился.

– Все, хана... – шепотом сказала Вера и уже решила быстро надеть платье, но тут ее заметила девочка, что шла за мальчиком, и тоже уставилась на незнакомку в поле. – Вот черт!

Мысли лихорадочно заработали. «Одеться, бежать, одеться, бежать...»

– Мам, тут... – громко закричал мальчик.

Вера не стала дожидаться развязки, она быстро вскочила

и со всех ног бросилась бежать как можно быстрее. Через секунду дети остались по другую сторону холма, но Вера продолжала бежать и бежать, пока не рухнула обратно на землю. Колосья пшеницы тут же ее скрыли. Тяжело дыша, она прислушалась к голосам, но их не было, они остались далеко позади.

– Фух... – радостно выдохнула Вера и, приподняв голову, посмотрела на вершину холма, но там никого не было, ни детей, ни взрослых. – Пронесло.

И сердце сразу успокоилось, стало жарко, даже душно. Вера раскинула руки и ноги в стороны, закрыла глаза и представила, как голышом бежала по полю. Не то стыд, не то радость, не то страх за то, что тебя голой увидели. В груди все щипало, а в животе урчало, словно давно уже не ела, но кушать не хотелось.

– Что это? – спросила она сама себя и положила ладони на горячий живот.

Вера Степановна подошла и включила кондиционер. Ей показалось, что она на том самом поле и солнце жжет ее кожу. Жар идет откуда-то из глубины. Она села обратно в кресло, облокотилась на стол и опять эти детские воспоминания. В груди что-то щипало и зудело. Вера прекрасно помнила это состояние. Но почему сейчас? «Наверное, устала», – подумала она и снова мысленно вернулась на то самое поле.

– А могла бы я сейчас так же поступить? – спросила себя

и пальцы коснулись пуговицы на блузке. – Глупости, глупости, – сказала Вера Степановна и, вытянув руку, посмотрела на свои пальцы.

И все же ей понравилось то ощущение в душе, оно еще долго ее щекотало.

Вера лежала и млела под солнцем, так легко и свободно.

– И почему люди не летают? Вот было бы здорово, – говорила она, рассматривая облака и поглаживая свой живот. – Наверное, там живут воздушные человечки, они смотрят на нас и не понимают, что мы тут делаем на земле.

Вера вздохнула. Стрекот кузнечиков снова навеял на девочку дремоту, она прикрыла глаза и незаметно очутилась в своей сказке.

Поезд

Рассказ из книги «Щекотка» глава 3

Наконец вернулась Маринка из города и сразу затрещала как сорока, рассказывая, что там увидела. Вера, развесив уши, слушала ее небылицы, как та ходила в цирк и с ней хоботом здоровался слон. Маринка бы все болтала и болтала, если бы Олег (он живет по соседству и учится в их же классе) не предложил пойти к путям. Ну, пути – это железная дорога, по которой мчатся пассажирские поезда. Они несколько раз ходили туда, правда далеко, километра три или даже больше. Но как прикольно слушать рельсы, они гудят словно паровоз. А когда пролетает поезд, ты стоишь и машешь всем, кого увидишь. Иногда тебе отвечают и тоже машут, некоторые показывают кулаки, а мальчишки строят рожицы. Ну и что, они уедут, а ты останешься.

– Во, смотри, – Олег достал из кармана металлический кругляшек.

– Что это? – спросила Маринка.

– Пять рублей.

– Что?! – выхватив из его рук, Вера стала рассматривать железяку.

Размер лепёшки был почти в два раза больше настоящих пяти рублей, но на ней остались вмятины с цифрой «пять»

и надписью «рубль».

– Круто, – протянула Маринка. – Подари.

– Нет, сама сделаешь.

– Как? – тут же спросила она.

– Надо до путей дойти и на рельсы положить.

– И... – протянула Вера.

– Поезд как каток их расплющит.

– Нифига себе.

– Я еще гвоздь клал и конфету.

– И...

– Гвоздь так и не нашел, улетел, а от конфеты, – тут Олег шлепнул по руке ладонью, будто прихлопнул комара. – Лепешка.

– А яблоко?

– Тоже будет лепешка.

– А орех расколет?

– Еще как, но и от него будет лепешка.

– Жаль, – сказала Вера. – У меня их дома много.

– Пойдемте завтра на пути, – предложил Олег, покажу одно крутое местечко, там никого не бывает, можно лепешки поделать.

– Далеко, – тяжело выдохнула Марина.

– У меня есть велик, могу Сережкин взять. А у тебя, Верка, есть?

– Только колеса надо подкачать.

– Сделаем, – по-деловому сказал Олег и спрятал свою мо-

нету.

На том и порешили.

Добрались быстро, сперва по дороге, а после через поля и неглубокий ров вышли прямо к путям. Тишина, никого, только сороки трещат. Маринка достала целую пригоршню мелочи.

– На, – видя, что у Веры всего три монеты.

– Все сразу не кладите, и на расстоянии. Ты, Верка, вон туда, метрах в пяти, а ты вон туда, вперед топай.

– Это почему? – возмутилась Марина.

– Поезд пройдет, и монеты разлетятся, потом не понятно где чьи.

– А...

Вера с ювелирной точностью ровно по линейке выложила их в ряд. Олег подошел проверить, все ли правильно и, убедившись, что у нее все как надо, молча кивнул и пошел к Маринке.

Ждать поезда пришлось долго, минут десять или даже больше. Все извертелись, подбегали к рельсам, прикладывали уши в надежде услышать, но те все время гудели.

– Поезд, поезд! – закричал Олег и быстро побежал в сторону леса.

Через несколько секунд состав, грохоча, пролетел мимо них.

– Ну и длиннющий, – сбившись со счета, громко сказала Вера.

– Это еще ничего. Вот вчера насчитал восемьдесят шесть вагонов, трубы везли.

Наконец поезд умчался, в ушах еще звенело, но троица уже бросилась на поиски своего расплющенного клада. Некоторые монеты стали вытянутыми как маленькое яйцо, а некоторые даже треснули, но и они представляли ценность.

– Круто, круто, – повторяла Маринка, раскладывая на песке свои медальки.

– А у меня две улетели, не могу найти, – пожаловалась Вера.

– На, – опять Марина всучила ей несколько своих лепешек.

– Давайте еще? – предложил Олег.

– А у меня больше нет.

– И у меня.

– Ладно, – Олег порылся в кармане и достал ровно три старых, уже вышедших из обихода двухкопеечных монет.

В этот раз поезд был пассажирским. Девочки стояли подальше и весело кричали всем, кто мог их увидеть.

День закончился. Они, уставшие, но до жути были довольные приключениями, вернулись домой. На следующий день Олег уехал по делам с матерью, и девочки, долго не думая, сели на велики и с новой горстью монет поехали к путям.

Они не спеша превратили все монеты в очередные лепешки, сели около леса и стали внимательно рассматривать их.

– Поезд, – сказала Марина.

– У меня больше нет.

– И у меня.

– А если эти обратно положить?

– Давай.

После того как промчался поезд, металлические лепешки стали еще больше и тоньше, но часть из них безвозвратно потерялась, куда-то улетели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.